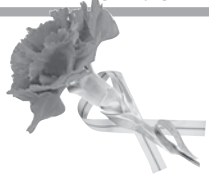

СТРАНИЦА
ПЯТАЯ17 АПРЕЛЯ 1942 ГОДА,
ПЯТНИЦА

УТРОМ, возвращаясь пешком из редакции после ночного дежурства, неожиданно повстречал давнюю знакомую.

А случилось это так. На щитке объявлений рядом с Филармонией прочитал официальное извещение дирекции, отпечатанное на машинке: «Творческий вечер Ваграма Папазяна [1] отменяется ввиду отсутствия света». А рядом было налеплено множество рукотворных объявлений — одно другого выразительней: «Рояль концертный в отличном состоянии меняю на сгущенное молоко». Или вот еще: «Нужны дрова!!! Условия любые».

Я вынул блокнот, решив кое-что записать на память. Вдруг кто-то меня окликнул. Обернулся. Знакомое вроде бы лицо. Высокая женщина в меховой шубке, закутанная оренбургским пуховым платком.

— Неужто не узнали? А «Струги Красные» помните?

— Валентина Михайловна? — я узнал

— А зачем эвакуироваться? Погибать — так дома...

Немного прошли по улице. Прощаясь, Валентина Михайловна пригласила заходить, дала адрес.

— Лучше сегодня вечером, — сказала она. — Посидим, вспомним мирные дни. Кстати, будет общество.

И что бы я ни делал в этот день, невольно возвращался мыслью к этим словам: «Будет общество». Неужели есть еще в истерзанном Ленинграде дома, где мирно собираются по вечерам, о чем-то беседуют, коротая время? Интересно бы все-таки узнать, что это за «общество».

В шестом часу вечера я постучался в дверь квартиры на Конюшенной. На лестничной площадке было холодно, дверь довольно долго не открывали.

Наконец заскрипел засов и на пороге меня встретил муж Валентины Михайловны. Он был в валенках, а в руке держал причудливый китайский фонарик из цвет-

Доска объявлений.
Здесь можно было
купить Левитана.

...Мне достались Саврасов и маленький Айвазовский

ее. Разумеется, это была Валентина Михайловна.

Правда, слегка полинявшая, но по-прежнему красивая. Картавит так же мило, как и прежде.

— Кошмаг в Ленингаде! Дело идет к катастрофе!

Познакомились мы года два назад. Открылся дом отдыха «Струги Красные». Редакции выделили три путевки, и трех счастливых отправили в густой корабельный сосняк на берегу живописного Щирского озера. Дом отдыха казался нам просто сказочным — загорали, купались, ходили босиком, по вечерам — волейбол. Просто идиллия. К концу второй недели нашего безмятежного существования неожиданно появилась роскошная дама в блестящих туалетах.

Вела она себя замкнуто и отчужденно. С утра она отправилась в лес с этюдником. Красивая, длинноногая, загадочная. К обеду вышла в изысканных кремовых брючках спортивного покроя, к ужину — в элегантном шелковом платье с вишневой пелеринкой. И каждый день новые одежды. Простодушные и бедные наши наборщицы, не вылезавшие из ситцевых сарафанчиков, как-то приуныли, понимая, что переплюнуть «художницу» не получится.

С мужчинами Валентина Михайловна держалась неприступно...

Многие пытались приволочнуться за нею, но безуспешно. Однажды вечером я подсел на скамью, где сидела с папироской Валентина Михайловна.

Мы разговорились, и выяснилось, что у нас масса общих знакомых. Валентина Михайловна довольно свободно рассуждала о литературе, о живописи, о новинках кино, обнаруживая редкостную осведомленность. Правда, уяснить, где и кем она работает, мне так и не удалось. С улыбкой она аттестовала себя так: «Я и художница, и переводчица, и пианистка, и немного режиссер...» По оживленному настроению моей собеседницы я понял, что она рада нашему знакомству.

Но наутро как раз прибыл ее муж, а мне подошло время уезжать. После этого мы не встречались, если не считать мимолетной встречи на площади Урицкого (в 1944 году площади Урицкого возвращено название Дворцовая. — Ред.), где состоялся финиш марафонского пробега «Ленинградской правды». Тогда мы, помнится, даже и словом не обмолвились.

И вот неожиданная встреча на улице. Я выразил свое удивление тем, что она не эвакуировалась осенью.

Валентина Михайловна помолчала. Потом спросила с усмешкой:

ной бумаги, в котором трепыхалось крохотное пламя елочной свечи.

— Вы Сапаров? Следуйте за мной. Только осторожнее...

Из темной просторной прихожей мы попали в еще более темный коридор, сплошь заставленный какими-то шкафами и пирамидами коробок. Муж Валентины Михайловны шел впереди, уверенно лавируя, и наконец толкнул дверь в комнату.

— А-а, здравствуйте! — услышал я голос хозяйки. — Милости прошу. Раздевайтесь, пожалуйста. У нас тепло.

Огромная комната походила на зал для приемов. Окна были задернуты тяжелыми портьерами из ярко-синего бархата. Старинная александровская мебель, множество картин на стенах, роскошные золоченые багеты, гобелены, какие-то фарфоровые барельефы...

А посреди комнаты — печь-временка. Но не закопченная буржуйка, как обычно, а довольно изящная, со светлой керамической отделкой.

Собственно «общества» пока не было, если не считать худошавой широкоскулой девицы, называемой почему-то Зизи, оказавшейся впоследствии Елизаветой. Да хмурого мужа хозяйки, не принимавшего участия в разговоре и поглощенного растопкой печи.

Валентина Михайловна была в стеганой шелковой пижаме, отороченной собольим мехом. Поверх пижамы она накинула на плечи меховую душегрейку. Такие носят офицеры на переднем крае.

Для начала принялись меня расспрашивать о новостях с «той стороны», из армии Федюнинского. Ожидается ли прорыв? И верны ли слухи о прибытии свежих сибирских дивизий? Отвечал я неохотно, общими фразами, так что вопросы ко мне быстро иссякли.

Сидя в парадной комнате, по-видимому, очень большой квартиры, глядя на дорогую мебель, ковры, старинные картины, фарфор, я невольно призадумался.

Допустим, Валентина Михайловна — художница, причем не из знаменитостей. Муж ее — обыкновенный завгар (заведующий гаражом. — Ред.). Откуда же все это великолепие, это богатство?

«Общество» подобралось на диво. Какой-то техник-интендант, ранее имевший отношение к кинематографу. Какой-то дока — Наум Петрович в военной форме, но без петлиц. Еще девушка, которую звали Эдит. Хозяйка салона заводила патефон, а хозяин топил буржуйку. Подали чай в роскошных фарфоровых чашках. К чаю несколько кусочков белого хлеба, который по желанию гостей можно было есть в обыкновенном

или слегка поджаренном на буржуйке виде. В добавку к этому муж, как заправский официант, нарезал тончайшими прозрачными ломтиками копченую колбасу.

Разговор потек как бы «интеллигентский». О том, что Фрейдкову [2] дали де Сталинскую премию по недоразумению. О том, что Большой театр вывезли в Алма-Ату, а наш Кировский почему-то оставили в Молотове (так назывался город Пермь с 1940 по 1957 год. — Ред.). О том, что в Алма-Ате засилье «Мосфильма», а «Ленфильм», наоборот, ютится на задворках, о том — наконец, — что недурно бы выпить спирту.

Потом заговорили о вещах и покупках. Воентехник сказал, что видел на улице объявление о продаже уникального саксонского фарфора — роскошного обеденного сервиза.

— На Моховой, 36? — быстро спросила Валентина Михайловна. — Так я уже там была. Дорого просят... Семь тысяч!

Девица Зизи болтала без умолку, рассказывая о приключениях своей тетушки Марго, эвакуированной вместе с «Ленфильмом» в Алма-Ату.

— Представляешь, Валечка, ей удалось купить на базаре за какие-то шестьдесят рублей целый килограмм великолепных сушеных яблок! А свое старенькое габардиновое пальто она продала за две с половиной тысячи!

— Чему ты удивляешься, — лениво пожимает плечами Валентина Михайловна. Все-таки война идет. А вот роскошный Левитан всего за три банки сгущенки — это не умопомрачительно?

Зизи всполошилась, всплеснула руками, будто услышала что-то сенсационное об известном ей деле.

— Да неужели ты все-таки выменяла Левитана?

— Да не я, а Модест Яковлевич, — усмехнулась Валентина Михайловна. — Мне-то вот достались Саврасов и маленький Айвазовский.

— А ты уверена, что это подлинники, а не подделки?

— Уж как-нибудь, — просияла Валентина Михайловна, — подлинник от подделки могу отличить.

Так вот она зачем осталась в Ленинграде, эта художница со своим пройдошли-

вым завгаром. Мне было и грустно, и гадливо — одновременно.

В голоде и в холоде, среди смертей и горя, в домах с неубранными мертвецами живут среди нас ко всему приспособляющиеся люди. Они не голодают, нет. Они используют выигрышную ситуацию, меняют квартиры, скупают по дешевке художественные ценности и сокровища у доведенных до отчаяния людей.

Единственное, чем они рискуют, — это угодить под шальную бомбу. Но это лобому в Ленинграде угрожает.

Возвращался до Литейного я с девицей Елизаветой. Возле запертых булочных выстроились очереди озябших молчаливых женщин.

— Скажите, Зизи, откровенно, откуда у вашей приятельницы это фантастическое благополучие? — спросил я, несколько не рассчитывая на откровенный ответ.

— Да успокойтесь, — отвечала Зизи, — Валечка не ворует. Негде ей, да и не сумела бы. Просто она умеет жить... Запасы у них ровно на два года. Масло, консервы, сгущенка, шоколад. По высшей полярной норме.

То, что я услышал потом, было почти невероятно. Оказывается, еще в июле, на исходе первого месяца войны, Валентину Михайловну осенила счастливая идея. Зизи так и сказала: счастливая идея, — и в голосе ее прозвучала зависть.

Ленинградцы рыли окопы в пригородах, прощались со своими детишками на вокзалах, записывались в полки народного ополчения. А Валентина Михайловна отправилась в Арктический институт.

— Наведалась под благовидным предлогом от «Ленфильма», — рассказывала Зизи, — и попросила дать ей справку, что нужно, какое продовольствие, чтобы обеспечить автономное проживание человека в течение двух лет в условиях Арктики. Словом, очаровала всех, как она это умеет, заболтала... И дали ей научную справку с точным расчетом калорийности.

После этого Валентина Михайловна спокойно и не спеша произвела закупки — деньги у ней всегда имелись, — благо на магазинных прилавках всего еще было достаточно.

— Так что вот, — сказала Зизи. — Валечка просто умеет жить, поэтому и блокада ей нипочем.

ПЕРСОНАЛИИ

1. Папазян аграм Камерович (1888 — 1968). Известный актер театра и кино, народный артист СССР, прославившийся ролями в классических трагедиях: «Отелло», «Гамлет», «Макбет».
2. Имелся в виду Борис Матвеевич Фрейдков (1904 — 1966) — бас, солист Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Сталинская премия первой степени присуждена 10 апреля 1942 года за исполнение партии Мамырова в опере П. И. Чайковского «Чародейка».